

Н. Г. Краснодарская

**НА ДРУГОЙ ЗЕМЛЕ, В ИНОЕ ВРЕМЯ
(О НЕКОТОРЫХ ПРОТОИНДИЙСКИХ
РЕМИНИСЦЕНЦИЯХ В КУЛЬТУРЕ СИНГАЛОВ)**

Сингалы, как известно, составляют преобладающее большинство населения Шри Ланки: их самоназвание синхала (букв. «львы») с древности проявляло себя в некоторых названиях острова (ср. Синхала-двипа, Серендиб, европейские названия). Главными их этническими особенностями являются язык, родственный северным, арийским, языкам Индии (хотя ни с одним из них конкретно сблизить сингальский пока не удастся) и буддийское вероучение. Это противопоставляет сингалов другим этническим группам, живущим в Шри Ланке, прежде всего тамилам/дравидам, формирующим второй по численности компонент полиэтничного ланкийского общества. Тамилы же говорят на языке/языках дравидской семьи и чаще всего исповедуют индуизм. С антропологической точки зрения эти две этнические группы относятся к одной расе, и у тех и у других отчасти проявляются веддоидные черты. И различаются представители этих этносов не всегда отчетливо, преимущественно фенотипически. Часто даже самими жителями страны они распознаются не столько по физическим чертам, сколько по языку, одежде и поведению. В частности, отметим, что предпринятые исследования состава крови сингалов и тамиллов (а также веддов — автохтонов острова) не выявили каких-либо заметных различий между ними.

Исторически предки того и другого этноса были переселенцами из более северных районов Южной Азии, и сосуществование их (мирное и немирное) на острове Ланка длилось к нашему времени не один десяток веков. Что касается бытовых и материальных культурных проявлений, то здесь обнаруживается скорее больше сходства, чем различий. Совпадения, «переклички» можно увидеть в традициях пищи, жилища, одежды, в социально-семейном укладе, в нравственных понятиях и этикетных нормах. Однако государственность на острове на протяжении всей истории (исключая периоды захватнических войн с юга Индии и более

позднего европейского колониального периода) поддерживалась и сопровождалась буддийским вероучением. Даже в тех случаях, когда на ланкийском троне оказывались (в данном случае мирно — в результате заключения браков) представители южноиндийских царственных родов, эти правители принимали буддизм и покровительствовали этой местной вере.

Конечно, в такие периоды заметно проявлялось влияние на сингалов собственно дравидской культуры. Хотя эти процессы еще мало изучены, все же можно отметить, например, влияние традиций одевания южноиндийских танцовщиц на свадебный костюм кандийских (горных) сингалок. Некоторые традиционные виды мучных изделий сингалов носят названия, похожие на названия аналогичных тамильских лепешек, и т.п. В церемониях и праздничных ритуалах можно найти заимствования и сходство с некоторыми дравидскими традициями. Эти процессы представляются естественными и предсказуемыми.

Однако мы столкнулись также с наблюдениями, которые вызывают и удивление, и вопросы. А именно с фактами очевидного проявления в сингальском культурном контексте элементов не просто дравидской, но и, судя по внешним проявлениям, протодравидской/протоиндийской культуры. Первая такая реминисценция всплыла в книге Роберта Нокса «Историческая повесть о Цейлоне» (XVII в.). Прожив на Ланке около двадцати лет в плену у тогдашнего правителя Раджасинхи Второго, пленник со временем бежал с острова и вскоре написал книгу, в которой описал жизнь и обычаи этой страны [Нокс 2007].

Это было время, когда португальцы захватили многие прибрежные земли острова, когда уже строили там свои фактории голландцы, а также стали появляться первые британцы. Раджасинха правил только частью страны в ее центральном, горном регионе. Фактически он был заперт в этом регионе, со всех сторон окружен врагами. Он огородил свое царство непроходимой изгородью из колючих растений, устроил, как мы сказали бы теперь, хорошо охраняемые «блокпосты», а для прохода через них в обе стороны ввел особые документы — глиняные таблички с символическим изображением сословной принадлежности удостоверяемого лица. Глиняные таблички (!) — протоиндийская реминисценция воз-

никла сама собой. Но факт был слишком одиноким, чтобы долго размышлять о нем. А между тем отметим, что Раджасинха, законно занявший сингальский трон по правилам династийного брака, прибыл на Ланку из Южной Индии, ввел при своем дворе много правил и обычаев южноиндийских правителей. Тем не менее он принял буддизм, покровительствовал ему и соблюдал главные обычаи сингалов.

Другие реминисценции возникают при знакомстве с памятниками Полоннарувы.

Полоннарува была средневековой столицей сингальских царей (XI–XIII вв.) и располагалась в северо-центральной провинции Шри Ланки. После того как она была покинута ими, город обезлюдел, зарос джунглями и заново был обнаружен уже в XIX в. Археологические работы начались здесь лишь в XX в. Считается, что заселение этого места началось не позже II в. до н.э. (о чем свидетельствуют обнаруженные наскальные надписи). В пору процветания самой древней столицы сингалов Анурадхапуры, находящейся севернее, Полоннарува тоже использовалась сингальскими правителями для собственных нужд, например для размещения наемных солдат из Южной Индии и Юго-Восточной Азии, а еще как собственная летняя резиденция. Каким-то образом это место было, видимо, хорошо известно дравидам, приходившим с юга Индии на Ланку. Так, южноиндийские завоеватели в X–XI вв., захватив в очередной раз Анурадхапуру и другие царские владения на северо-востоке страны, столицей для себя сделали именно Полоннаруву. Отвоевал ее у них сингальский царь Виджаябаху I лишь спустя несколько десятилетий — в 1070 г., и отсюда он стал править страной, короновавшись (по традиции все же в Анурадхапуре) в 1073 г. Главным же строителем города считают его преемника на престоле Паракрамабаху Великого (1153–1186), под началом которого были сооружены знаменитое водохранилище («Море Паракрамы»), мощные военные укрепления, монастыри, множество зданий различного назначения.

Долгое время оставались известны преимущественно буддийские памятники и сооружения Полоннарувы, хотя там присутствуют и индуистские святыни. Знамениты Гал Вихара («Каменный храм») с грандиозными скульптурами Будды, Ватадаге («Круглый

храм/дом»), некоторые другие объекты. У части из них спорная атрибуция. Так, еще одну впечатляющую размерами и совершенством работы скульптора статую определяют то как портрет самого Паракрамы Великого, то как фигуру мудреца со священным текстом в руках.

Сейчас сделаны многие новые археологические открытия на месте средневекового города, работы здесь ведутся под эгидой ЮНЕСКО начиная с 1982 г. В частности, обнаружены остатки многих рядовых городских зданий, жилых и общественных, их частично реконструировали, в результате чего проступило значительное пространство города с четкой планировкой, прямоугольным пересечением улиц, соответствующими гидротехническими сооружениями. Общее впечатление сразу же дает ассоциацию с протоиндийскими городами — Мохенджодаро и Хараппой. Впрочем, это тоже подлинное «царство кирпича». Археологи предполагают существование здесь в былые времена многоэтажных зданий, а также усматривают сходство в устройстве канализационных систем. Кирпич использован и при создании буддийских культовых памятников — ступ и некоторых скульптур. При этом параллельно существуют комплексы строений и других сооружений из камня. Большинство памятников и находок относят к эпохе сингальского царства, а именно — ко времени правления Паракрамабаху Великого, тем более что и сингальские хроники подтверждают его роль великого строителя. Но, думается, в дальнейшем еще могут произойти уточнения.

Реконструкции важнейших сооружений Полоннарувы присутствуют и в местном музее — в виде моделей. Любопытно, что сингалы восстанавливают здесь, как, по их представлениям, выглядели в соответствующие периоды крыши зданий: представляют конструкции пагодного типа и утверждают себя как основателей этих архитектурных традиций. Местные археологи уверяли меня, что в основу их реконструкций легли сохранившиеся рисунки и чертежи прежних эпох.

В музее же мое внимание привлекли совершенно удивительные артефакты — мелкая пластика, тоже напоминающая статуэтки из раскопок протоиндийских городов. Первый раз я увидела их в 2009 г., но правила местного музея строжайшим образом запре-

щают фотографирование экспонатов, а в отделе продаж музейных публикаций и фотографий нужные мне предметы отсутствовали. И только в 2014 г. мне удалось получить соответствующее разрешение. Но экспозиция к этому времени изменилась, и фигурок, как мне показалось, стало меньше (осталось больше однотипных, похожих на так называемых богинь-матерей). И серьезной специальной литературы по теме найти пока не удалось.

Сами сингалы тоже замечают описанное мною сходство местных находок с протоиндийскими. Как уже упоминалось, они считают похожими конструкции в устройстве канализации. Что касается фигурок, то в музейной витрине приведена датировка от I до XII в. н.э. Однако, когда я обратилась с этим вопросом к известному ланкийскому археологу, генеральному директору специального фонда (который поддерживается ЮНЕСКО) для изучения так называемого «треугольника» из трех исторических столиц — Шри Ланки, Гамини, Адикари, он убежденно отвечал, что все они относятся к XII в.

Ситуация остается загадочной и возникает много вопросов. Однако все-таки можно предположить, что область Полоннарувы, видимо, в разные времена являлась местом активных культурных контактов между предками сингалов и тамиллов. Они совокупно внесли свой вклад в строительство и жизнь этого города, который в более ранние времена, возможно, представлял собой поселение менее крупного масштаба. Вполне вероятно, что это место не один раз «дичало» (в тропическом климате это происходит быстро), а потом заново возрождалось. По-видимому, описанные нами предметы, напоминающие о культуре Мохенджодаро и Хараппы, сравнительно позднего происхождения, но тем более поражает уровень и прочность культурной памяти их создателей.

Библиография

Нокс Р. Историческая повесть о Цейлоне. XVII век / Пер. и предисл. Н.Г. Краснодембской. СПб., 2007.